

Туркин А.И. О прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах // Советское финно-угроведение. 1974. № 1. С. 7–9.

Туркин А.И. Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 54–67.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Ernits E. Ist weps nil'ed eine Entlehnung aus der Komi-Sprache? // Советское финно-угроведение. 1975. № 4. С. 242–243.

Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1911. (Mémoires de la Société Finnoougrienne, XXIX).

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (Mémoires de la Société Finnoougrienne, XLIV).

Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen. // Finnisch-Ugrische Forschungen, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

Lakó G. Syrjänisch-wepsische Lehnbeziehungen. // Ungarische Jahrbücher. 1935. Bd. XV. Helf. 2–3. S. 318–320.

Uotila T.E. Huomautuksia Syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Virittäjä. Helsinki, 1936. S. 199–207.

М.Л.Гусельникова

Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов

Характерной чертой севернорусской топонимии является широкое распространение полукалек – топонимов-словосложений по модели “субстратная (нерусская) основа + русский географический термин”. Традиционно, начиная с М.Фасмера (Vasmer 1941), полукальки рассматриваются как один из типов усвоения субстратных топонимов русским языком в следующем логическом ряду: полное усвоение субстратного топонима – частичный перевод (полукалька) – полный перевод (калька). Такой подход логически правилен, т.к. современное население рассматриваемой территории русское, следовательно, мы имеем дело с результатами адаптации нерусской топонимии русскими, и в этом процессе возможен перевод “регулярной” (часто повторяющейся и потому легко выделяемой) части субстратного топонима – географического термина в постпозиции.

Массовый характер усвоения субстратной топонимии на территории русского Севера обусловил широкое распространение полукалек с переведенной регулярной частью субстратных топонимов, что, в

свою очередь, привело к осознанию русскими субстратной словообразовательной модели "основа + географический термин". Логическое завершение этого процесса – появление чисто русских топонимов с данной словообразовательной моделью. Процесс описан Э.И.Косовой, которая выделяет такие топонимы (например: **Бабозеро, Гусльозеро, Вельмозеро, Сорокозеро; Воронболото, Рыбрека, Княжостров, Хлебнаволок**) в отдельный словообразовательный тип, сложившийся "под влиянием финно-угорского топонимического словообразования на территории Архангельской области" (Косова 1966, 60). Сами полукальки воспринимаются как этап (и индикатор) заимствования словообразовательной модели. Однако тезис о словообразовательном субстрате нуждается в доказательствах.

Ряд приведенных в статье Э.И.Косовой топонимов можно отнести к таким русским словообразовательным типам топонимов, как "краткое прилагательное + озеро" (**Белозеро, Большеозеро, Долгозеро, Кривозеро, Новозеро, Орловозеро, Павлозеро, Пустозеро, Святозеро, Спаскозеро, Худозеро, Чернозеро, Княжостров**) и ориентированные названия на **Усть-** и **Верх-** (**Верхозеро, Устьозеро, Верхрека**). Аналогичные топонимы были рассмотрены Н.В.Подольской как пример одного из видов русского топонимобразования – "юкстапозита", т.е. соположений, основой для образования которых являются словосочетания.

С учетом характера синтаксической связи между компонентами Н.В.Подольской выделяют следующие типы юкстапозита: 1) атрибутивный – **Новгород, Святозерск**; 2) аппозитивный – **Райгород, Царьград**; 3) нумеративный – **Семь Братьев, Семивод**; 4) детерминативный – названия с первым элементом **Усть-** (**Устье-**); 5) детерминативно-предложный – **Берестищо на Мху, Комсомольск-на-Амуре**. Вне этих типов выделяются "оказиональные" топонимы, появление которых объясняется экстралингвистическими факторами: ойконимы **Гуляйбалка, Гуляйгородок, Гуляйполе, Кинь-Грусть** и **Пронеси-Господи**. К оказиональным же топонимам относятся названия на **Верх-** и **Низ-**: **Верхручей, Низ Сяси**.

По наблюдению Н.В.Подольской, юкстапозита "в массе своей стремятся к переходу в композита" (словосложения). При этом окончания первого элемента топонимов переосмысливаются (или перерабатываются) в соединительные гласные: **Белавежа – Беловежа, Новгород – Новоград** (XIII в.), одновременно зафиксированные **Вышгородок** и **Вышгород**, **Вышгород** и **Вышеград**; **Царьград** и **Цареград**; **Устилуг** (на р. Луга) (Подольская 1983).

Исследование Н.В.Подольской позволяет сделать следующие выводы:

1. Русские (восточнославянские) композита – редкий и немногочисленный словообразовательный тип топонимов; аналогами полукалек из всех композита могут быть только топонимы, вторым элемен-

том которых является географический термин в именительном падеже – соположения атрибутивного и аппозитивного типов, то есть еще более узкий круг топонимов. Поэтому вряд ли восточнославянские композита могли быть моделью широко распространенных на русском Севере полукалек.

2. Единственной продуктивной моделью из всех композита являются топонимы на **Усть-(Устье-)**. Н.В.Подольской убедительно показано их формирование на восточнославянской основе. Сам тип широко распространен на территории русского Севера (ср. ойконимы **Усть-Пиньга, Усть-Вашка, Усть-Паденьга, Усть-Ёжуга, Усть-Воепала** и т.д.). К ним можно отнести и, следовательно, считать русскими по образованию топонимы **Устьозеро, Устьручей, Устьрека, Ущелья** (из **Устьщелья**). К этим топонимам (по ориентировочному значению и образованию) примыкают названия на **Верх- и Низ-**, которые Н.В.Подольская считает окказиональными. Однако такие названия встречаются, например, в Свердловской области (**Верх-Ута**, урочище в верховье р. Ут; **Верх-Тисы**, урочище в верховье р. Тис; **Верх-Исетский пруд** и т.д.), есть и на русском Севере (д. **Верх-Канакша**, лесопункт **Верх-Кодима**), поэтому можно выделить регулярную словообразовательную модель и отнести к ней названия **Верхозеро, Верхручей, Низручей**. Несомненно сходство этой модели с изученными во многих славянских языках ориентированными топонимами, образованными префиксально-бессуффиксальным способом (**Зарека, Подгора**). Севернорусские названия этого типа изучены И.В.Машенко (Машенко 1979), которая выделяет целый ряд топонимов: **Заозеро, Заручей, Заугор, Захолма, Межручей, Подмыс, Подулица, Подхолм, Подберезы, Подрибины, Прилуг, Оболюто, Надозеро**. Этими образованиями ограничивается круг моделей русского языка, являющихся в той или иной мере аналогами полукалек.

Отметим, что топонимы со структурой “**Усть + субстратный гидроним**” (типа **Усть-Пиньга**) иногда рассматриваются как гибриды, поскольку внешне имеют структуру “русская основа + субстратная основа” (например, названия **Усть-Вымь, Усть-Цильма** воспринимаются как русско-зырянские), однако это собственно русские оттопонимические образования, такие же, как **Зауралье, Пошехонье, Обонежье, Задонщина** и т.д.

3. Характерно географическое положение топонимов-композита: основная масса их извлечена из Новгородских писцовых книг и берестяных рукописей, т.е. из памятников зоны языковых контактов. В целом древнерусские топонимы были приведены Н.В.Подольской по материалам С.Роспонда, который предполагал иноязычную природу русских сложных топонимов (к ним С.Роспонд относит и словосложения, и словосочетания) (см.: Роспонд 1972).

Показательным примером иноязычного влияния на образование русских сложных топонимов являются некоторые названия в зоне не-

мецко-русского двуязычия на Алтае, описанного И.А.Воробьевой (Воробьева 1988) и Л.М.Дмитриевой (Дмитриева 1988). В последней работе приводятся результаты переименования немецких топонимов в русские во время первой мировой войны. Среди них – “точные кальки, сохраняющие словосложение немецких топонимов”: Мариенфельд “поле Марин” – Мариуполь, Николайфельд “поле Николая” – Николайполь, Эбенфельд “ровное поле” – Ровнополь, Фриденсруу “мирный покой” – Мирно-Покой. Эти названия составляют небольшой процент от всех случаев переименования (4 из 58), однако сама тенденция отмечена. И.А.Воробьева отмечает встречный процесс – создание немцами топонимов-словосложений с русскими основами в процессе обрусения: “По нашим наблюдениям, немецкая топонимическая система испытывает сильное влияние со стороны русской системы и русского языка и практически разрушается... Воспринимая от предшествующего поколения немецкие топонимы, новое поколение советских немцев осознает их малую степень известности и предпочитает использовать в коммуникации наиболее известные и общепринятые русские названия. Тем не менее переход на русскую систему – не единовременный акт и, вероятно, будет осуществляться через все большее проникновение в систему немецких названий русских элементов и появление гибридных топонимов. Так, информаторы-немцы, родившиеся в 20-е годы на Алтае, в качестве наименований приводят как русские, так и немецкие топонимы с одновременным переводом на русский язык, а также большое число гибридов типа: Квиксозер, Трауоколок, Кучервальд, Угловой вальд. Новые микротопонимы создаются на базе русского языка, но строятся по модели немецких: Заправкалес, Березапосадка, Вышкапосадка, Тракторлес и др.” (Воробьева 1988, 69). Наиболее интересно здесь “авторство” топонимов-юкстапозита и композита (Тракторлес), а также полупереводов (Квиксозер): их создают немцы в процессе обрусения. Эти типы топонимов вполне сопоставимы с севернорусскими юкстапозита (Избозеро, Крестручей) и полукальками (Пёртозеро, Пышручей), поэтому, очевидно, можно провести аналогии и в самом процессе их образования – появление их у местного нерусского (субстратного) населения в процессе обрусения в условиях длительного двуязычия.

Безусловно, в самом русском языке существуют потенции образования словосложений по типу “существительное в атрибутивной функции + существительное”. В частности, как новые типы русских сложных существительных рассматриваются образования Азовсталь, Волгодонстрой, Уралкабель, Москва-уголь, Тула-уголь, Грузия-фильм (Галенко 1960, 67), Ишимбай-нефть, Волховстрой, Псковстрой (Мельникова 1962, 2), Минусинскзолото, Уралзолото, Востокруда, Фрунзеуголь (Русский язык и советское общество 1968, 98) и т.д. Свод описаний таких названий дан в работе Б.З.Букчиной (Букчина 1981). Т.Н.Молошина прямо рассматривает такие образования в одном ряду,

с топонимами Угрюм-река, Дунай-река, Ильмень-озеро, Кум-озеро, Серг-озеро, Киш-озеро, Иван-город, Китай-город, Горюн-камень, Спас-камень (Молошная 1973, 89), однако Б.З.Букчина считает их "структурно и семантически иными собственными именами" (Букчина 1981, 47).

Названия предприятий и организаций следует, конечно, отличать от топонимов, имеющих свои, внутритопонимические связи. Как правило, образования типа Тула-уголь, Грузия-фильм рассматриваются как конструкции на стыке аббревиации и словосложения (ср. Грузия-фильм – Мосфильм, Ленфильм; Бухаранефть – Азнефть, Дальнефть), то есть такие образования входят в продуктивную в современном языке модель сложносокращенных собственных имен. Существительное – первый компонент таких названий – возникает и сохраняется лишь как аналог сокращенной формы прилагательного и выполняет его функцию. Такие имена, возникающие в процессе образования сложносокращенных наименований, по природе своей отличаются от словосложений в топонимии. Однако для нас важно то, что возникающая в русском языке модель "субстантив в атрибутивной функции + субстантив" оказывается продуктивной.

Современные номинации, возникающие по аналогичной англо-американской модели (и моде), значительно расширяют спектр названий с данной структурой: Альфа-капитал, Бизнес-клуб, Бизнес-класс, Капитал-шоу, Маски-шоу, Парадиз-коктейль, Пресс-клуб, Пресс-экспресс, Спортпрогноз, Спорт-шанс, Рок-урок, Там-там-новости, Фильм-премьер, Хит-парад, Хит-хаос, Экспресс-кино – такие наименования включают разные по происхождению компоненты, поэтому их нельзя считать просто заимствованиями готовых английских словосочетаний.

Эти примеры свидетельствуют, что в русском языке словообразовательная модель "субстантив + субстантив" потенциально существует, нужны лишь условия для ее реализации – распространенность данной модели в языке, который в определенный момент является источником заимствования. В топонимии таким условием может быть господство соответствующей структурной модели топонимов контактирующего языка. Следует учитывать и другую возможность интерпретации такой структуры, как севернорусские полукальки: с точки зрения русского языка полукалька воспринимается как словосложение "непонятного" (непереведенного) нерусского назва. ия и русского географического термина. Такое восприятие предполагает два возможных толкования полукалек – не только как заимствованный особый севернорусский тип словосложения, но и как закрепившееся своеобразное употребление географического термина в постпозиции к топониму (например, Москва-река вместо река Москва).

Словосложения, включающие географический термин (ГТ), а также словосочетания с ГТ относятся, по мнению В.А.Никонова, к основным исконным типам топонимического словообразования в славянских языках, однако этот тип немногочислен и непродуктивен, поскольку "на славянской территории господствует аффиксация", которая является признаком именного словообразования (Никонов 1962, 18). Так же считает Ю.А.Карпенко: "Структурное развитие топонимии заключалось в постепенной замене древнего прилагательного этапа существительным этапом.... функционирование топонимов приводит к распадению старых топонимических словосочетаний" (Карпенко 1966, 11). Таким образом, по мнению Ю.А.Карпенко, ГТ (как общее определяемое множества топонимов) отпадает, а определение – субстантивируется. Завершением этого процесса, на наш взгляд, является перемещение ГТ в препозицию – такова современная структура (**город Москва**).

Рассматривая севернорусские полукальки, можно представить их как заимствованные топонимы с географическим термином в постпозиции. Столь устойчивое употребление ГТ после топонима можно объяснить сохранением древней русской (восточнославянской) структуры (**Новгород, Бело-озеро**). Однако в названиях такой структуры в препозиции был адъектив (ср. еще **Княжгород, Белгород**, очевидно, и **Ивангород** – из **Ивань город** с притяжательным прилагательным). Нерусские же топонимы воспринимались только как существительные – об этом писал, комментируя топонимию древнерусских текстов, Ю.А.Карпенко: "Независимо от грамматических свойств в языке-источнике заимствованные топонимы у восточных славян обычно оформлялись как существительные, поскольку они были названиями предметов – географических объектов" (Карпенко 1966, 11).

Г.Я.Сими́на высказывает иную точку зрения: "Иноязычное слово воспринималось русскими людьми как определение по отношению к нарицательному (ГТ в нашем определении). Так, населенные пункты, расположенные на высоком берегу р. Пинеги стали называться "гора": **Айнова Гора, Вальтева Гора** и т.д. Иноязычная часть словосложения и грамматически оформляется как определение. В дальнейшем эти топонимы упрощаются – отсекается географический термин "гора", прилагательное субстантивируется. Происходило и словосложение обеих частей топонима: **Чёшагора, Вёсгора, Шеймагора, Кочмогóry, Шотогórка** и др." (Сими́на 1980, 15). Таким образом, полукальки (а ими являются названия последнего приведенного ряда) интерпретируются Г.Я.Симиной как вторичные, производные по отношению к словосочетаниям. Однако полукалек – тысячи, а параллельных с ними словосочетаний – десятки (кроме названий на -гора, прилагательные встречаются в основах полукалек на -озеро, а также в топонимах на -ручей, где они могут получить нерусскую интерпретацию). Такое соотношение не

может свидетельствовать о первичности словосочетаний по отношению к полукалкам.

Более вероятной поэтому представляется интерпретация Ю.А.Карпенко. Общая структура полукалек в таком случае – “субстантив (нерусский топоним) + субстантив (ГТ)”, причем первое существительное выполняет атрибутивную функцию (что, кстати, соответствует концепции Г.Я.Симиной). Такая структура, как было отмечено выше, не является типичной для русских топонимов – и в то же время это самая типичная структура финно-угорских топонимов, прямого аналога севернорусского субстрата, как показал А.К.Матвеев (см.: Матвеев 1970). Таким образом, полукальки можно толковать как проявление финно-угорского синтаксического (или словообразовательного) субстрата. Но в таком случае на территории распространения полукалек и другие топонимы должны были бы употребляться перед географическими терминами.

Похожее предположение было выдвинуто Р.А.Агеевой: “Сложения с постпозицией географического термина отмечаются, между прочим, в географических названиях русских былин: **Пучай-река**, **Волга-река**, **Ильмень-озеро**. Вероятно, сходство с финно-угорским словообразовательным типом здесь не случайно: или это заимствование, или какая-либо древняя типологическая параллель” (Агеева 1989, 116). Кроме того, Р.А.Агеева отмечает восстановление М.Фасмером географического термина в постпозиции к одноосновным субстратным топонимам: “В своих исследованиях М.Фасмер везде пишет в скобках слово “озеро” там, где он предполагает финское происхождение гидронима: **Sov(ozero)**, **Ale(ozero)**. Эти краткие формы воспринимаются как эллиптические и могут быть объяснены как происходящие из финских сложений. Аналогично М.Фасмер предполагал, что отпало слово “река” (фин. **joki**) в названиях рек: **Мета** < **Mustajoki**, **Сережа** < **Särkijoki** и т.д.” (Агеева 1989, 116). Это единичные примеры, но тенденция отмечена.

Материалы письменных памятников в целом подтверждают тенденцию употребления ГТ в постпозиции к топониму на русском Севере, однако результаты их исследования требуют отдельного подробного освещения. Отметим лишь исчезновение подобной структуры в памятниках, описывающих территорию южнее линии оз. Белое – оз. Воже – верховья р. Моши – низовья р. Ваги – верховья р. Пинеги, т.е. за пределами зоны сплошного распространения финно-угорского субстрата. Можно утверждать, что структура “топоним + ГТ” носит явно региональный характер, что объясняется либо ее диалектной консервацией в архаических севернорусских говорах, либо субстратным влиянием на русское словоупотребление (географический термин в постпозиции к топониму). Вероятнее всего взаимодействие этих факторов.

Таким образом, возможность интерпретации полукалек как заимствованного словообразовательного типа топонимов подтверждается "от обратного", поскольку собственные возможности русского топонимообразования оказываются недостаточными для распространения данной модели топонимов. Эти потенции в русском языке существуют, но могут актуализироваться только в условиях иноязычного влияния.

Говоря конкретно о русском Севере, можно утверждать, что полукальки – образования по типу "топоним (основа) + ГТ" получили здесь массовое распространение (около 4,5 тыс.) и потому, что сохранили привычную аборигенному населению словообразовательную структуру ("существительное в атрибутивной функции + существительное"), и потому, что для русского языка такая структура топонима оказалась приемлемой. Отсюда следует вывод, что в зонах распространения полукалек происходили длительные и глубокие контакты русского языка и языка субстрата. Изучение полукалек как специфического, заимствованного словообразовательного типа севернорусских топонимов представляется важным для воссоздания ситуации языковых контактов на русском Севере в период обрусения аборигенного населения.

Литература

Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Букчина Б.З. Об образованиях типа Грузия-фильм, Тула-уголь и под. // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 41–54.

Воробьева И.А. Параллельное существование и взаимодействие топонимических систем на одной территории // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988. С. 62–69.

Галенко И.Г. О некоторых особенностях составных слов // Вопросы русского языкознания. Львов, 1960. Кн. 4. С. 67–70.

Дмитриева Л.М. Взаимодействие русской и немецкой топонимических систем // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988. С. 78–84.

Карпенко Ю.А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. М., 1966. С. 7–18. (Вопросы географии. Сб. 70).

Косова Э.И. Об одном севернорусском словообразовательном топонимическом типе // Изучение географических названий. М., 1966. С. 60–61. (Вопросы географии. Сб. 70).

Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР // Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1970.

Мащенко И.В. Из наблюдений над словообразовательной структурой ориентированных топонимов в русском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13. С. 87–93.

Мельникова А.И. Новые типы сложных существительных без соединительных гласных в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1962.

Молошная Т.Н. Двухкомпонентные субстантивные образования апозитивного типа в славянских языках // Структурно-типологические исследования. М., 1973. С. 87–90.

Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Географические названия. М., 1962. С. 17–32. (Вопросы географии. Сб. 58).

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983.

Роснопо С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9–90.

Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

Силина Г.Я. Географические названия. Л., 1980.

Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften: Vortage und Schriften. Berlin, 1941. Hf. 5. S. 22–25.

Е.Л.Березович, И.В.Родионова

Библейские “локативы” в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии)

Данная статья посвящена этнолингвистическому описанию концептов народной духовной культуры, отраженных в русской диалектной лексике и топонимии. Изучаемый материал (лексика христианской традиции, послужившая базой для вторичной номинации в русских народных говорах) задает определенный угол зрения на объект исследования – выявление особенностей “профанного” бытования “сакральной” информации, логики трансформации образов христианской религии в народной среде. Лексика христианской религии довольно обширна, поэтому для анализа избрана компактная группа – наименования пространственных объектов (“локативы”), функционирующие в христианской традиции. В эту группу входят следующие производящие лексемы: Вавилон, Голгофа, Елеон, Иерусалим, Иордан, Палестина,